

ЯРОМИРА

УКРАДЕННАЯ
КНЯЖНА

ВИКТОРИЯ БОГАЧЕВА

Виктория Богачева

ЯРОСЛАВ

УКРАДЕННАЯ КНЯЖНА

ПРОЛОГ

ДРАККАР* РАЗРЕЗАЛ ОГРОМНЫЕ волны Северного моря. Ледяной ветер трепал паруса из суровой холстины. Над головой висела мрачная, серая хмарь; тучи спускались низко-низко, почти касались поверхности воды, в которой отражалось темное небо. Всюду, куда бы ни падал ее взор, виднелось лишь бескрайнее море, и Яромире казалось, что не осталось нигде ни земли, ни цветов, ни ясного солнца. Лишь одна беспроглядная серая тьма.

Она сама была во всем виновата. Следовало слушать отца. И матушку.

На драккаре было холодно от промозглого ветра и ледяных брызг, и Яромира куталась в тяжелый плащ с чужого плеча. Он пах морем и солью. Он пах звоном меча и кличем боевого рога. *Он пах им.*

Яромира повернула голову, стараясь ничем себя не выдать, и посмотрела на мужчину из-под опущенных ресниц.

Его звали Харальдом Суровым, и не было на всем Севере конунга** отважнее и храбрее. Он был стро-

* Узкая парусно-гребная ладья викингов с высоко поднятыми носом и кормой. На носу крепилась резная голова дракона (отсюда и название типа корабля), а по бортам располагались щиты (*здесь и далее примечания редактора*).

** Военный вождь, высший представитель родовой знати у скандинавов в раннее Средневековье.

гим вождем, и люди слушались его беспрекословно. Харальд не чурался обычной работы и вместе с остальными греб, ставил паруса, вычерпывал с палубы воду. А Яромира наблюдала за ним украдкой и была рада даже такой малости. Ведь очень скоро у нее отнимут и это.

— Не мерзнешь, княжна? — Конунг присел на скамью рядом с ней, кутавшейся в плащ на меху и похожей на воробушка, сам одетый в простые штаны и рубаху.

Яромира молча покачала головой: здесь, на корабле, ей порой бывало теплее, чем в родном тереме под грудой одеял.

Глубокий, грудной голос Харальда заставлял ее глупое сердце биться в дюжину крат чаще. По рукам и плечам у нее побежали мурашки, и Яромира поежилась. Девичья гордость велела ей отвернуться да прекратить глядеть на мужчину, который не был ей ни мужем, ни отцом, ни родичем. Но душа... в его присутствии трепетала, словно цветок на ветру. Ее бросало то в жар, то в холод.

Никогда в жизни она не боялась глядеть мужчине в глаза! Ничего и никого не боялась храбрая дочь князя Ярослава Ладожского, но нынче было ей страшно. Страшно поднять лицо, страшно встретиться с конунгом взглядом. Страшно утонуть в его темно-лазоревых, как море в ясный день, глазах.

Мужчина не уходил, и Яромира замерла, напряженная и растерянная. Он старательно избегал ее последние дни. На небольшом драккаре это казалось невозможным, но Харальд был великим конунгом, а им, как известно, все было по силам.

Нынче же против обыкновения он сидел рядом с ней на скамье, касался бедром пышных складок ее теплого плаща, и она видела перед собой его натру-

женные, сильные руки с надувшимися от тяжелой работы жилами: его люди, да и он сам гребли с самого рассвета.

Она бы многое отдала, чтобы эти руки, эти шершавые ладони вновь коснулись ее лица.

— Гардарики* уже в паре дней пути, — сказал Харальд, и у Яромиры заныло сердце.

Так норманны называли ее дом. Стало быть, Ладога уже близко.

Ей захотелось расплакаться. Вестимо, она сдержалась. Яромира была княжной, а не девкой-чернавкой и никогда не стала бы лить слезы при чужом муже.

Она не плакала, даже когда осталась совсем одна. Когда попала в плен. Когда уже простилась с жизнью, решив броситься в ледяное море.

...Харальд спас ее тогда.

Спас для того, чтобы стать ее погибелью, ведь княжна полюбила и не могла вытравить любовь из сердца, как ни старалась.

Харальд откинул с лица длинные, распущенные волосы. Шнурок, которым он стягивал их, порвался пару дней назад во время лютого шторма. Суровый воин, он не привык много болтать. Открывал рот, чтобы отдать приказ да ответить на редкий вопрос: его люди понимали с полувзгляда.

Но подле маленькой княжны, съезжившейся на лавке будто пичуга, ему отчего-то всегда хотелось поговорить. Он знал, что не вправе, и потому старался лишний раз даже в сторону ее не глядеть.

* Слово «Гардарики» можно перевести как «Страна городов». С VIII–IX веков это имя применялось к северным славянским землям, включая цепь крепостей вдоль р. Волхов от Любши до Старой Ладоги.

Не глядеть на волосы, что отливали золотом на редком солнце. Не глядеть на молочно-белое, светлое лицо с нежной кожей, которую бессовестно щипал холодный ветер. Он говорил княжне не сидеть на палубе да прятаться под навесом, который он для нее сколотил, да разве ж такой, как она, прикажешь?..

Скоро он передаст ее с рук на руки отцу, конунгу Гардарики Ярислейву*. И вернется в свою ледяную, суровую страну и позабудет лицо княжны, перестанет видеть ее даже в снах. Перестанет представлять, как нежна ее кожа, как пахнут ее волосы, каково было держать ее ладони в своих руках...

— Харальд конунг... — Яромира заговорила с ним слегка хриплым от долгого молчания голосом, и он пожалел, что задержался подле нее на скамье.

Он посмотрел на нее и провалился в бескрайнее, бездонное море, утонув во взгляде.

Опустил тяжелый кулак на дубовую, огрубевшую от соли скамью. Их пальцы соприкоснулись на мгновение, и его словно хлыстом вытянули по хребту. Яромира вздрогнула, но руки не отдернула. Напротив, подвинулась ближе, накрыла его пальцы своей ладонью и крепко сжала.

Харальд резко повернулся к ней, и лицо ее оказалось совсем рядом. Так близко, что он видел тень пушистых ресниц на ее щеках. Слова застряли в гортани. Все внутри кричало, что это ошибка, за которую придется заплатить. Но разум бессилен был одолеть то, что жгло в груди.

Конунг наклонился и жадно коснулся ее губ, будто утолял жажду. Их холод обжег его сильнее огня.

* Ярослав. Харальд произносит имя на своем языке, потому оно звучит иначе.

Яромира замерла, глаза ее широко распахнулись, но она не оттолкнула его. Лишь дрогнула, приоткрыла губы, и в этот миг он почувствовал, что она отвечает. Нерешительно, боясь признаться даже самой себе, но отвечает на его поцелуй.

Мир вокруг перестал существовать: шум моря, чужие голоса, крики птиц. Был только этот миг и они вдвоем.

А потом раздался тихий свист, и в дерево ровно между ними вошла стрела. Только и затрепетало *знакомое* оперение.

КНЯЗЬ ЛАДОЖСКИЙ

В ГРИДНИЦЕ БЫЛО ШУМНО, а такое случалось редко. Обычно Ярослав склок и криков в своем тереме не терпел, и к этому давно привыкли его дружина и бояре. Но нынче он сам дозволил им всласть пошуметь, чтобы схлынули гнев и злость. Опираясь локтем на деревянный престол, он внимательно следил за тем, что и как говорили его люди.

— Княже... — Воевода Будимир, стоявший слева от престола, наклонился к нему и спросил негромко: — Утихомирить?

— Пушай поговорят. — Ярослав махнул рукой.

Вроде бы вести они получили скверные и тревожные, но на душе у него было спокойно. Скоро будет сговорена вслед за старшей и средняя дочка, а там, пока младшая подрастет, будет у него лет десять, чтобы передохнуть. Все же девок замуж отдавать куда сложнее, чем женить сыновей!

Ярослав огладил густую короткую бороду, в которой появилась уже первая седина, и усмехнулся. Со дня на день ждали на Ладоге жениха Яромиры — княжича Воидрага с дядькой, воеводой Видогостом. Справят сватовство, скрепят новый союз меж двумя княжествами. Усилит Ладога свои границы, вдвое больше мужей сможет выставить против хазарского войска... и не только хазарского.

Ярослав нахмурился, растер ладонью глаза. Принесли вести, что в Новом Граде* осели дерзкие воины с далекого Севера. Уже послали во все стороны гонцов: мол, покоритесь, отправьте дань, иначе умоетесь кровью. Придется вскоре собирать княжеское вече да решать, как на их дерзкие речи ответить.

Принес лихой ветер норманнов из северной, холодной страны.

— Взад им голову посланника отправить, и точка!

Предложение боярина, как поступить с гонцом, что доставил послание из Нового Града, было встречено сдержанным, но одобрительным гомоном.

— Больно скор ты на расправу, — ответствовали ему из толпы. — Коли с миром пришел к нам Рюрик, так что же мы станем голову рубить?

— Да с каким миром, побойся Перуна! — не утерпели грядни. — Сулит, что кровью умоемся, коли не покоримся да дань не станем платить.

— Я думал, они на ладьях задницы себе отморозили. А выходит, еще и разум! — Воевода Будимир покачал головой, и его меткое замечание было встречено дружным хохотом.

Ярослав призадумался. Не шибко ли веселятся дружина да бояре? Они, знамо дело, радовались скорому союзу меж двумя княжествами, который укрепит Ладогу. Но и Новый Град недалеко, и коли осели там клятые норманны...

— Надо бы нам весть послать. Князю Харальду**. Может, ведает он, откуда в Новом Граде взялся хирд***

* Новгород.

** Ярослав говорит на своем языке, поэтому конунг стал князем.

*** Боевая дружина в Скандинавии эпохи викингов. Хирд подчинялся конунгу, ярлу или херсиру и представлял собой подбье семьи.

его соплеменника. — Когда Ярослав заговорил, все прочие голоса стихли.

Гридь и бояре согласно закивали. Мысль была доброй.

С дружиной Харальда у Ладоги был мир. А несколько лет назад он и вовсе — дело неслыханное прежде! — побывал в гостеприимном тереме Ярослава Мстиславича. Добрых три седмицы провел здесь, задержался почти на весь серпень*. Расстались, почитай, добрыми друзьями, договорившись о торговых путях. С тех пор ладожские ладьи редко трепали в Северном море. Охранял их Харальд и брал за это плату медами, мехами да иными диковинками.

— Славная мысль, Мстиславич! Может, и подмоги у него испросим.

— Рано еще об этом говорить. — Ярослав покачал головой и окинул взглядом гридницу. — Ну, довольно на сегодня. Пройдет сватовство, зашлем людей, соберем князей на вече. Поглядим, что с Новым Градом делать станем, но ни пяди земли прибуде норманнской не отдадим!

Гридь согласно зашумела, и Ярослав довольно прикрыл глаза.

Когда он вышел из полутемной гридницы на подворье, солнце уже перевалило за половину дня. Немало времени проговорили они. Почитай, с самого утра. Оставалось приветить княжича Воидрага, скрепить сватовство и созвать вече. Дерзким норманнам из Нового Града следовало дать отпор. Со всем зарвались, охальники, князьям грозить стали! Да и чем?! Кровью, говорят, умостесь.

Ярослав хищно усмехнулся. Знал он уже таких. Все как один лежали в земле, мертвые и без-

* Август.

молвные. Сами умылись тем, что сулили другим. Он остановился на крыльце и сделал глубокий вдох. Свежий осенний воздух остудил голову и ретивое сердце.

Почитай, двенадцать лет минуло с той поры, как собрал он великую рать и надолго отвадил хазар от княжеств русов. Прошло немало времени, прежде чем вновь решились степные псы покуситься на чужие земли. Постарел он, но в груди по-прежнему билось горячее сердце, и гнев вспыхивал быстро, и был князь Ярослав скор на расправу. Рука, держащая меч, не утратила силы, и крепко он стоял на ногах, знал за собой правду.

— Больно смурен ты лицом, князь.

Он улыбнулся, услышав насмешливый голос жены. Княгиня Звенислава Вышатовна шагала к нему по подворью, а за ней семенили теремные девки. Она остановилась перед мужем возле крыльца и запрокинула голову, приложив раскрытую ладонь к глазам, щурясь от солнца. Совсем забегалась с хлопотами да заботами: предстояло им сватовство княжны Яромиры и целая седмица пиров-празднований, и гостей они ждали, и всех разместить надобно, обиходить, напоить-накормить...

— На тебя давно не глядел, вот и кручинюсь, — в тон жене отозвался Ярослав и, довольный, увидел, как у нее на щеках вспыхнул румянец.

Спустя двенадцать лет любя ему была Звенислава намного крепче, чем в самом начале. Княгиня укоризненно посмотрела на мужа и покосилась на теремных девок: те притихли у нее за спиной и старательно глядели в другую сторону.

— Ты отчего одна? Где Яромира? — уже безо всякой насмешки спросил Ярослав и спустился к жене по крыльцу.

Та не успела пожать плечами, когда вдалеке слышался девичий смех-колокольчик. Князь и княгиня посмотрели в сторону ворот: Яромира как раз вошла на подворье, а рядом с ней гордо вышагивал старший сын воеводы Будимира кметь Вечеслав.

Их дочка залиvisto смеялась, то и дело поглядывая на высокого, ладного кмета, который изо всех сил ее веселил. Шли они совсем близко. Так, как не полагалось ходить почти невесте, просватанной княжне.

Ярослав нахмурился, уже свел на переносице брови и приготовился окликнуть вконец зарвавшегося щенка, когда на запястье ему легла ладонь жены.

— Пустое, — прошептала Звенислава, подобно мужу не сводя взгляда с дочери и молодца подле нее. — Пусть походит, недолго уже осталось. Не сегодня завтра ждем сватов.

Ярослав закрипел зубами, но себя смирил. Может, и права была княгиня. Еще немного, и придет конец вольной девичьей доле. Уедет она из отцовского терема в чужое, неведомое княжество. Станет женой человека, которого почти не знает.

Разве ж есть какая беда, коли княжна поозорничает самую малость? Будимиров щенок с самого детства за Яромирой увивался, уж сколько раз был за то порот отцом, а к княжне не охладел. Звенислава зорко следила за дочкой, но не замечала меж нею и Вечеславом ничего, что потребно было бы пресечь. Потому и нынче мужа остановила. Ни к чему Яромиру бередить, она и без отцовских окриков тревожилась перед сватовством да ночами не спала.

Не ведала тогда княгиня, как сильно ошибалась. А коли б ведала, сказала мужу, чтобы в тот же миг услал Вечеслава подальше. Чтобы духа его на подво-

рье не было. Много горестей тогда бы предотвратила Звенислава Вышатовна. Но, верно, на роду у них написано было иное, и потому все вышло, как вышло.

* * *

Столы в гриднице ломились от яств, а лавки — от бесчисленных гостей. Ярослав вместе со Звениславой сидел во главе одного из столов, и по обе стороны от него разместились родня, ближняя гридь, родовитые бояре, храбрые кмети, отроки да совсем еще мальцы. Гул стоял такой, что не слышно было собственных мыслей. Тек рекой хмельной мед, поднимались кубки за здоровье князя и его семьи, звучал смех; мужчины пытались перекричать друг друга. Нынче на Ладоге большим пиром привечали княжича Воидрага, а на утро наметили сватовство.

На почетном месте, справа от отца, сидела Яромира. Почти уже жених не сводил с нее жадного взгляда, но не он один любовался ею нынче. Она же, нарядная и разрумянившаяся, на княжича Воидрага смотрела редко. Но порой улыбалась ему быстрой, мимолетной улыбкой, и у того все вскипало в груди.

Звенислава разгладила на груди новенькую свиту из багряного аксамита с меховой опушкой и поправила нарядную кикю с высокими рожками. Она довольно улыбалась, оглядывая шумный пир и гостей. Не пропали втуне усилия. Не напрасно почти не спала ночами последние две седмицы, не зря сбилась с ног, тревожась, чтобы все прошло гладко, чтобы все были обихожены. Сердце радовалось, когда замечала она, как княжич Воидраг смотрел на Яромиру. За дочь тревожилась она сильнее всего, и понемногу тревога утихала. Жених ее уже любил,

взгляда отвести не мог, смотрел непрестанно — чего еще желать?

Звенислава улыбалась, вспоминая собственное, такое далекое сватовство. И то, как непросто ей пришлось на Ладоге в первое время. Украдкой она нашла руку Ярослава и жала под столом. Поймала на себе удивленный взгляд мужа и сразу же почувствовала, как он бережно погладил ее ладонь в ответ.

— Здрав будь, князь Ярослав Ладожский, во многие, многие лета! — Воевода Стемид, приехавший на праздник из Белоозера, где был посадником, вскочил на ноги и вскинул над головой переполненный кубок.

Следом за ним встали с лавки и воевода Будимир, и десятник Горазд, и вонительница Чеслава, и многие кмети, и на какое-то время в гриднице поднялся невообразимый шум.

Звенислава встала со скамьи, оправив подол аксамитовой свиты, и направилась на другой край стола, где сидели женщины. На праздник приехала ее двухродная сестрица Рогнеда, с которой не виделись они несколько лет.

За минувшее время Рогнеда Некрасовна стала лишь краше, и даже рождение единственного долгожданного сына не погубило ни тонкого стана, ни нежного лица. Не портил ее и вдовий убор: больше года назад в очередной схватке с хазарами был убит ее муж, служивший воеводой одному из степных князей.

Звенислава опустила на лавку рядом с сестрой, и та сказала, не своя с Яромиры внимательного взгляда:

— Белой лебедушкой выросла. Совсем дитем ее помню, а как расцвела... Когда сватовство-то?

— Утром, — рассеянно отозвалась княгиня, думая о своем.

— Приставь к ее горнице надежного человека, — вдруг сказала Рогнеда, задумчиво крутя на запястье тяжелое обручье. — Гляжу на нее и себя узнаю.

Ладожская княгиня вздрогнула и посмотрела на сестру с недоверием и опаской. Обе очень хорошо помнили, что случилось с Рогнедой, когда к ней посватался нелюбимый, и что она натворила.

— Хуже не будет.

— Приставляю, — отозвалась Звенислава решительно и свела на переносице светлые брови. — непременно приставаю.

Какое-то время они сидели молча, наблюдая за празднеством со стороны. Столько всего промеж ними случилось, столько было вначале обид, боли, непонимания... Но кровь все же не водица, и прошедшие годы сблизили двух сестер, да так, что и не скажешь, коли не ведаешь, что двухродные они, а не родные.

— Стемид с тебя взгляда не сводит. — Звенислава вдруг развеселилась, позабыв на время тревогу о дочке.

Ясноокая красавица Рогнеда подняла тонкую темную бровь и лишь улыбнулась. В прошлом сотник, а нынче воевода Стемид прикипел к ней сердцем еще двенадцать лет назад, когда вместе с братом-князем жила она в тереме на Ладоге. Но невозможно было княжне стать женой простого ратника, и потому уехала Рогнеда в свое далекое степное княжество, где подыскивали ей подходящего жениха. Она и не противилась. Однажды гордость уже взяла над нею верх, и много горя это всем принесло.

Князь Ярослав поднялся с лавки, а следом за ним и вся гридница. Он улыбнулся, посмотрев на дочь, и ласково положил ладонь ей на плечо. Та вздрогнула — едва заметно, но все же.

